

ΧΡΟΗΟΣ

АВЕРИН | ВАРДУНАС

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

МОСКВА

ЭКМО

2013

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
А 19

Разработка серийного оформления
и иллюстрация на переплете *Ильи Яцкевича*

Аверин Н.
А 19 Противостояние : фантастический роман /
Никита Аверин, Игорь Вардунас. — М. : Эксмо,
2013. — 384 с. — (Хронос).

ISBN 978-5-699-68627-8

Ревущие костры инквизиции и грохот копыт по залитой кровью Европе, готовящейся к войне с альбигойской ересью. Таинственный Жеводанский Зверь, наводящий ужас в окрестностях севера Франции, и шериф провинциального американского городка Эльдорадо, спустя столетия расследующий серию загадочных убийств в иллинойском заповеднике Шоуни. Что связывает эти события между собой и какая зловещая тайна скрывается под обликом знаменитого Иллинойского Могильщика, вновь выходящего на тропу войны? И почему каждое раскрытое преступление в прошлом создает изменения в будущем? Подобно кругам от брошенного в воду камня, волны этих изменений прокатываются по всей истории человечества. Противостояние началось!

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-68627-8

© Аверин Н., Вардунас И., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

Часть первая

ОХОТА НА ВЕДЬМ

«Видя, что вы поглощены вихрем забот, мы находим полезным облегчить ваше бремя.

Мы решили послать братьев проповедников против еретиков.

Приказываем вам принять их дружески и оказывать им в том помощь, дабы они могли хорошо исполнять свою службу».

20 апреля 1198 года. Иннокений III

Пролог

Если невиновный несправедливо осужден, он не должен жаловаться на решение церкви, которая выносила свой приговор, опираясь на достаточные доказательства, и которая не может заглядывать в сердца, и если лжесвидетели способствовали его осуждению, то он обязан принять приговор со смирением и возрадоваться тому, что ему выпала возможность умереть за правду.

*Николас Эймерик,
«Directorium Inquisitorum»*

Фожерен, Лангедок

Двери невысокого сарая, притулившегося к столь же кособокому двухэтажному дому, с трудом провернувшись на изрядно побитых ржой петлях, распахнулись, не став задерживать на пороге столь представительную делегацию. Впрочем, если бы нечто подобное пришло в прогнившие мозги заплесневелых досок, то вряд ли помогло бы — гости вынесли бы створки таранным ударом крепких плеч.

Но для пришедших, судя по решительному выражению их лиц, не стала бы непреодолимой преградой и фаланга македонцев. Первы-

ми вошли внутрь два арбалетчика, наставив на заключенного, сидящего на низенькой лавке, острые жала болтов. Следом на пороге появился еще один воин, держащий в руках факел. Осторожно оглянувшись, он удостоверился, что соратники держат заключенного на прицеле и каких-либо неожиданностей со стороны того ждать не следует.

Хмыкнув, вошедший перехватил рукоять факела левой рукой, взяв в правую длинный кинжал, размерами более схожий с коротким мечом. Сплюнул в соломенную труху, скопившуюся у истертого сотнями ног порожка, и решительно шагнул внутрь помещения. Стражник прошел вдоль стен, старательно освещая все углы замшелой сараюхи. Придирчиво оглядел кривую лестницу с прибитыми вразнобой плашками, обреченно вздохнул, поудобнее перехватил рукоять кинжала и начал подниматься на чердак, немилосердно скрипя ступенями. Один из арбалетчиков, тот, что стоял справа у двери, перевел оружие в сторону чердачного лаза. Второй чуть сместился в сторону, продолжая удерживать в прицеле заключенного, все так же сидящего без малейшего движения. Проверяющий, не поднимаясь целиком, поводил факелом, освещая подкрышевое пространство. Выругался, поминая нерадивых хозяев, паутину и прочие происки Нечистого.

— Никого. И ничего, — кивнул он арбалетчикам, спустившись. Затем стражник вытащил из-за пояса небольшой холщовый мешок и бросил заключенному, с трудом поймавшему его скованными руками: — Надевай!

Заключенный, молодой парень с живыми сверкающими глазами и здоровенным, на поллица, синяком, неловко завозившись, кое-как натянул мешок на голову, сопровождая каждое свое движение злобным ворчанием. Сжимая кинжал, к нему опасно подошел стражник, судя по неуверенным движениям, в любой момент готовый или полоснуть с размаху, или, что вернее, отпрыгнуть в сторону. Затянул немало завязки, идущие по нижнему краю мешка, подергал кандалы.

— Готово!

Один из арбалетчиков кивнул и, обернувшись, крикнул в двери:

— Все в порядке!

Лишь после сигнала стрелка в помещение осмелились войти остальные делегаты, до этого держащиеся подальше от темного провала двери.

В сарай, заполошно озираясь по сторонам, вошли трое монахов и пожилой муж с седной на висках, судя по важному виду — сельский староста. Тут же стало очень тесно, но ни один из пришедших не рискнул бы зайти

сюда в одиночку и за все сокровища мира. Ведь человек, запертый в сарае до вынесения приговора, вовсе не обычный вор или убийца! Он был страшным еретиком-альбигойцем! Монахи держались поувереннее, но вот староста и не пытался скрыть своего волнения. Он неустанно крестился, а бисеринки пота так и сверкали на лице, чей бледный овал, окаймленный неровно подстриженной бородой, светился пуще луны в ночном небе.

Монахи, облаченные в домотканые некрашенные ризы, монотонно перебирали четки и шептали молитвы, став в неровный ряд, подобием полумесяца обтекающим скамью. Невольному свидетелю они могли бы напомнить больших серых мух, плотоядно жужжащих над кучей конских яблок. Впрочем, не каждому свидетелю. Одному из арбалетчиков монахи почему-то напомнили стервятников, сгрудившихся над свежим трупом. Стрелок испуганно зашептал слова молитвы, стараясь прогнать подальше дьявольское наваждение.

Староста еще раз размашисто перекрестился и, запустив руку в отворот рубахи, с облегчением сжал нательный амулет. Прикосновение к нагретому плотским теплом мешочку с неведомым содержимым немного успокаивало. Самую малость помедлив, староста мысленно досчитал до десяти, шевеля губами, и кивнул

стражнику с факелом. Воин приставил лезвие своего недомеча к горлу заключенного, придавив посильнее. Заключенный стойко перенес подобное обращение, прекрасно понимая, что с мечом у горла злобность лучше не проявлять. А то ведь тонкое полотно с готовностью разойдется под отточенным клинком. И кожа с мясом так же послушно разойдутся в разные стороны, выпуская грешную душу...

— Отец Ансельм, может, не будем тянуть крысу за хвост да прямо здесь тварь порешим? — обратился староста к одному из монахов. — Чиркнем по горлу...

Договорить староста не успел. Служитель Господа обвел пальцем вокруг себя, приложил к уху, словно желая сказать «нас подслушивают», а затем ожег его взглядом, столь переполненным ненавистью, что от страха во рту у старосты немедленно пересохло. За всеми треволениями тот и позабыл, что перед тем, как зайти в импровизированную темницу, монах строго-настрого запретил называть имена. Что присутствующих, что посторонних. — Прошу простить меня, святой отец, я не нарочно...

Но у разгневанного монаха не было ни малейшего желания выслушивать бляенье неловко оправдывающейся деревенщины. Отец Ансельм поморщился и коротким жестом прервал заикающийся поток извинений. За-

тем глубоко накиннул на голову капюшон, целиком укрыв его тенью лицо от нежелательных взглядов зрителей, коих за стенами сарая скопилось уже немало. Его жест повторили и другие монахи. И теперь различить служителей Святой Церкви было возможно лишь по объемам тела, так как и по росту они являлись одинаковыми. Торопясь загладить грубую ошибку, староста махнул рукой:

— Выходим!..

Солнце понемногу всходило, щедро окрашивая небо багровыми тонами, способными навеять на маловерующего человека мрачные мысли о пролитой крови. Но на небо мало кто смотрел. Не до того было. Несмотря на столь ранний час, большая часть жителей деревни уже столпилась на площади. Народ приходил семьями, оставив дома лишь больных да вовсе уж малых детей. А небо? Да что небо, оно и так над головами каждый Божий день!

Воодушевление крестьян, собравшихся поглазеть на редкое зрелище, было вполне понятно разумному человеку, знающему толк в жизни. В размеренной, да и, что греха таить, скучной жизни Фожерена и его окрестностей не столь много развлечений. Свадьба, похороны... А уж казнь еретика — и вовсе редкость! Среди собравшихся оказалось немало народу, не сумевшего отказать себе в столь редком

зрелище и явившегося из окрестных деревень. Многие готовы были и полдюжины лье отшагать, лишь бы не пропустить действия.

Людская толпа бурлила, подобно вареву в котле придорожной харчевни. Ложкой, помещивающей это варево из человеков, уловленных зрелищем будущего сожжения, служил высокий столб, к коему каждый из пришедших делал подношение. К подножию столба кто клал несколько прутиков, кто валил целую вязанку хворосту. Пара монахов придирчиво осматривала «подношения», отбрасывая подале как совсем уж сырые ветви, так и высушенные до звона. От первых — много дыма, позволяющего казнимому сгореть уже задохнувшимся, а от вторых — слишком много жару, что тоже изрядно ускоряет конец.

Настроение у толпы было праздничное, люди шутили и смеялись. По рукам ходила нехитрая закуска и баклажки с перекисшим вином. На вкус — премерзкое пойло, но в голову бьет сущим молотом. А чего желать больше? Все тут — простецы с простецкими же вкусами. А если и затесался в толпу какой неведомый потомок Меровингов, то он про это и сам не знает, а посему хлебает винище, проливая на грудь и пачкая одежду наравне со всеми. И пчелы рядом не кружатся, и волосы не струятся волной...

— Колдун! Колдуна ведут! — кто из вездесущих мальчишек первым поднял крик, увидев процессию, сопровождающую заключенного, узнать не сумел бы и самый дотошный дознаватель. Ведь через краткую долю мига немолчный гул повис над всей площадью.

— Колдуна ведут!!!

Когда народ разглядел альбигойца, чье лицо по-прежнему скрывал мешок, то волнение забурлило с новой силой, готовое перехлестнуть через край. Люди принесли с собой не только хворост и пироги с баклажками. Каждый, кто шел, не забыл прихватить с собой и десяток камней. Кое-кто не пожалел и испорченных продуктов, обоснованно решив, что без пары гнилых брюкв свин, хрюкающий в загородке, не помрет, а вот хозяину сей снаряд весьма пригодится. Всякий присутствующий на площади считал своим священным долгом метнуть бульжник в еретика. Отцы собственноручно вкладывали камни в ладони чумазных сынов и дочерей, подсказывая, как ловчее угодить колдуну прямо в мерзкую рожу. Лицо осужденного, привезенного лишь вчера откуда-то из пограничных земель, было незнакомо зевакам, но никто не сомневался в наличии поросычьего пяточка и пары рожек, скрытых до поры под волосами. Соответственно, что рожа премерзкая, было ясно и последнему козопасу. Ну а те единицы, кто

знал осужденного, предпочитали не возражать, благо с течением времени и сами готовы были возложить грязную ладонь на Библию да поклясться в истинности данного утверждения.

Но преждевременная народная расправа не входила в планы никого из власть имущих. Ни хозяина здешних мест, наместника сеньоры Монпелье, ни главы инквизиторов, доминиканца отца Ансельма, ни прячущегося в глубине крытой, охраняемой савойскими арбалетчиками повозки папского легата кардинала Годэ...

Повинуясь приказу, десяток копейщиков окружил процессию, отгоняя самых наглых крестьян. Во все стороны раздавались крепкие тумаки, нескольких вовсе уж разошедшихся человек пришлось охаживать древком по загривку. Стражники могли только отогнать подале, не более. А вот полностью оградить заключенного от попаданий тяжелыми снарядами людской ненависти могли разве что легионеры славного Цезаря, вздернувшие свои прямоугольные щиты ввысь, соорудив подобие черепашьего панциря.

Камни и тухлые яйца летели со всех сторон. По большей части крестьяне метили в голову еретика, но доставалось и сопровождающим. Командир ополченцев истошно призывал толпу к порядку, но его зычный голос тонул в реве толпы, чья ненависть выплевывала короткие слова: